ГЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 150-летию со дня рождения Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

ЗАВЕЩАНО ВЕКАМ

ВЕСЬ мир отмечает стопятидесятилетие со дня рождения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Гениальность его недискуссионна, а между тем нет, кажется, другого художника, чье наследие вызывало бы столь острые споры и не прекращающуюся по сей день идеологическую борьбу.

Ариадниной нитью для всякого объективного суждения о Достоевском может быть только история.

В первой половине XIX века особенно активизировалась, поднялась и предъявила свои права демократическая масса. Она была неоднородна. Ее авангард создавал предпосылки для научного коммунистического мировоззрения. Но в целом она была недостаточно дифференцирована, недостаточно осознавала подлинные свои интересы, поддаваясь многообразным влияниям, подчас весьма реакционным.

Строительной клеточкой этой массы был—как его называли в литературе — «маленький человек». Он во всеуслышание заговорил о своих требованиях, но не был последователен, не мог перешагнуть определенных идеологических пределов, его упования носили мечтательный характер, он был неустойчив в борьбе и способен на самые неожиданные шарахания.

Однако масса эта была частью великого народного моря, взволнованного до самых глубин развитием капитализма и поражениями революционного движения в тридцатых, сороковых и шестидесятых годах. От ее сознания, от ее идеалов, от ее поведения, от того, за кем она пойдет, во многом зависел исход важнейших исторических битв.

Достоевский обладал гениальной способностью видеть насквозь человека этой среды и создавать романные сюжеты, в которых «опробовалось» и выяснялось, какие «готовности» таятся в этой массе.

«Каждый человек есть тоже человек и называется брат твой» — вот идея, которая сама собой раскрывается в любой строчке истории Макара Девушкина («Бедные люди»). Люди, вносившие в возникающий утопический социализм слащавое внеклассовое мечтательство, на этом и останавливались. Но Достоевский с ужасом разглядел, что «маленький человек» не имеет настоящего идеала, не может его выработать самосильно и что если дать ему волю, то он столкнет хозяев жизни не для того, чтобы изменить в корне существующий миропорядок, а для того, чтобы стать на их место («Двойник»).

Достоевский принадлежал к плеяде критических реалистов, благодаря которым русская литература в XIX веке стала играть ведущую роль в мире. Она низвергала «идолы» (выражение Герцена), развеивала «призраки» (выражение Белинского и Щедрина), очищая общественное сознание от обветшалых, переживших себя представлений, догматов, норм феодально - крепостнической эпохи. Достоевский же сверх того уловил, преимущественно художническим чутьем, что вновь подымающаяся масса, разъединенная борьбой за индивидуальное существование, ставит на место низложенных идолов свои собственные обманные мифы.

Наполеон был буржуазным императором, но его феерическое возвышение и романтическое падение породили — у кого искренне, у кого демагогически — надежду на то, что придет новый Наполеон и реализует все, о чем мечтала несчастная масса, принесет ей рай на земле. Если бы гений Наполеона вдохновлев был идеалом всеобщей гармонии, он преобразовал бы мир, говорит один из героев Жорж Санд. Достоевский впитывал все, что носилось в воздухе, все перерабатывал в своей творческой фантазии. Он заглянул в душу студента Раскольникова, гениально «угадав», как выглядел бы Наполеон-Мессия на первой же ступени своего восхождения. «Преступление и наказание» низложило наполеоновский миф и вместе с тем подрывало «идеал» ницшеанского сверхчеловека.

Многие утописты связывали свое учение с евангелием. Большинство из них охотно апеллировало к имени Христа. В «Дневнике писателя» Достоевский вспоминает разговор на тему, как стал бы себя вести Христос, если б он вновь пришел на землю. В тайниках художественной фантазии Достоевского стал вызревать замысел произведения о «втором пришествии», о преобразовании мира учителем христианской любви. Так возник роман «Идиот». В черновых тетрадях сам Достоевский прямым образом приравнивает князя Мышкина к Христу.

Писатель хотел доказать в «Идиоте» практическую осуществимость обновленного христианства. Князь-Христос самоотверженным примером должен был водворить на земле правду и справедливость, перевоспитать злых, сделать так, чтобы лань безопасно паслась рядом с тигром. Но Достоевский был гением, а высшим законом для гения является правда. С горестным изумлением, с неопровержимой силой эстетической логики он показал полное крушение миссии Мышкина. Мышкин, воплотившийся Христос, не высвободил красоты из-под власти денег, не спас Настасью Филипповну, не удержал от нравственного падения Аглаю, не просветил темную душу Рогожина, не вынул из его руки ножа убийцы. Хозяевами жизни остались Тоцкие и Епанчины, жизнь по-прежнему топтала и мяла белые цветы.

Достоевский-художник, хотел он этого или не хотел, вскрыл иллюзорность религиозных обоснований братства. Мир нельзя спасти повторением старого и неудавшегося опыта в новой жестокой и зубастой капиталистической действительности.

Иллюзии, порождаемые неорганизованной, нецелеустремленной, разорявшейся мелкобуржуазной массой, были связаны между собой и в то же время приобретали разные оттенки. Во времена Достоевского складывался миф о Бакунине, «отце анархии», как о «вожде» и «освободителе» народов. Литературоведы спорят, был ли Бакунин прототипом Ставрогина из «Бесов». Соль вопроса содержится, однако, не в проблеме прототипизма Ставрогина.

«Бесы» писались Достоевским как памфлет против революции. Мировая реакция до сих пор пытается играть «Бесами» в качестве «модели» будто бы всякой революции. Но Достоевский знал только мещанскую «революционность»,— и уроки истории показали, что «Бесы», по содержащемуся в них политическому, нравственному и жизненному опыту, являются романом о вывернутой наизнанку буржуазности, об анархистской «революционности». В «Бесах» Достоевский создал воображаемое опытное поле для проверки штирнерианско-бакунистского анархического лозунга: все позволено! Оказалось, что эгоистический «персонализм» делает невозможным человеческое общежитие, ведет к разрушению личности, к смерти.

Есть объективная логика искусства — и логика эта подтверждает правоту непримиримой марксистской критики бакунизма, нечаевщины и всякого другого бессмысленно-разрушительного левачества.

Корыстные интерпретаторы творчества Достоевского придавали ему функции духовного усмирителя, успокоителя социальных страстей. Но Достоевский не был утешителем, он был, по собственным словам, «способен скорее вселять разочарование и отвращение» к самым заманчивым, большим и малым мифам и легендам, к которым устремлялись движимые дуновением ветра легковерные. «Я убаюкивать не мастер...»—писал он о себе.

Достоевский преобразовал форму романа, ввел в него трагический конфликт, он сочетал в своем искусстве эпическое течение «Мертвых душ» Гоголя и грозное столкновение сил и лиц «Медного всадника» Пушкина. Достоевский обогатил классическое понятие трагической вины. Его герой прав, восставая против несправедливого и грязного мира, — он виновен в том, что восставал в одиночку, намереваясь переустроить мир по личному хотению. Трагическая вина героев Достоевского заключается в беспочвенности, в самомнительном волюнтаризме, который и ведет их к поражению, к наказанию.

Всем существом своим Достоевский чувствовал, что старая Россия и старая Европа стремительно идут навстречу войнам и революциям.

Казалось, низложение новых мифов, порожденных разбушевавшейся стихией городских низов, должно было облегчить ему понимание будущего, утверждающегося в миссии рабочего класса. Достоевский остро ощущал особенность, «избранность» своей эпохи, ее переломность, приближение решающего кризиса. Однако он, вплотную подошедший к завесе будущего, не смог приподнять ее. И ему не осталось ничего другого, как обратиться — в поисках желанной гармонии и устойчивости — к патриархальным устоям прошлого, к вере в бога и к вере в «доброго» царя.

Расколотость и противоречивость Достоевского ярко выступают и в последнем его романе «Братья Карамазовы». В рамках своего завершающего произведения Достоевский дал новую жизнь всем своим излюбленным героям — бунтарям, кротким, циникам, юродивым, но сопоставил он их не с реальными и прогрессивными историческими силами, а привел их на суд в монастырь, к старцу-монаху Зосиме. Приговор получился, как это характерно для всякой религии, двоякий.

Иван спрашивает Алешу, согласился ли бы он построить счастье человечества ценой мучений, слез и гибели одного лишь крохотного ребеночка. Вопрос подсказан утопическими социалистами (в том числе и петрашевцами), судившими унаследованный от прошлого мир и на основании участи, приуготовленной в нем невинным детям.

Алеша не согласен, Иван не согласен, не согласен вместе с ними и гуманист Достоевский. Но Зосима опровергает Ивана и Алешу, и вместе с Зосимой опровергает их тот же Достоевский — именем бога и велением бога.

Достоевский пересказывает библейскую легенду об Иове, у которого бог отнял богатство, умертвил жену и детей. Иов покорился, и в награду «восстановляет бог снова Иова, дает ему вновь богатство... и вот у него уже новые дети, другие, и любит он их — господи: «Да как мог бы он, казалось, возлюбить этих новых, когда тех, прежних, нет, когда тех лишился? Вспоминая тех, разве можно быть счастливым в полноте, как прежде с новыми, как бы новые ни были ему милы?» Но можно, можно...»

Это страшное «можно» — результат компромисса писателя с им же отвергаемым жестоким укладом земных дел. За этим «можно» стоит примирение с церковью, с угнетателями и угнетательским государством — все то, что есть во всякой религии и что есть у Достоевского в его публицистике, а порой прорывается и в ходе его художественных повествований.

Вскрыть заключенные в наследии Достоевского «ревущие» противоречия необходимо,— однако это еще только полдела. Еще более важно понять, что представляет собой художественный мир писателя, взятый как целое. И тогда оказывается, как и при изучении Толстого, что ложное в формально-теоретическом смысле «может быть истиной во всемирно-историческом смысле» (Ф. Энгельс).

Ближайшим образом это обозначает, что творчество Достоевского явилось отражением в искусстве невыдуманных страданий и невыдуманного гнева многочисленной, многообразной и распыленной городской массы, которая всегда сопутствует капитализму, даже и на теперешней стадии его развития, и в состав которой входят те или иные отряды радикальной интеллигенции и радикальной молодежи. Брожение, отразившееся в творчестве Достоевского, было и сейчас остается симптомом и спутником глубоких социальных перестроек. Ни один ученый не дал нам столько знаний об этой массе, о ее вожаках и идеологах, о ее психологии, логике ее шатаний, как Достоевский.

Нет ничего легче, как осудить эту массу и бросить ее на произвол судьбы. Однако писатель был прав, когда оценивал парламентарную демократию «ниже», «гаже» брожения этой массы, когда он внушал к ней любовь, хотел ее спасти, сделать ее счастливой.

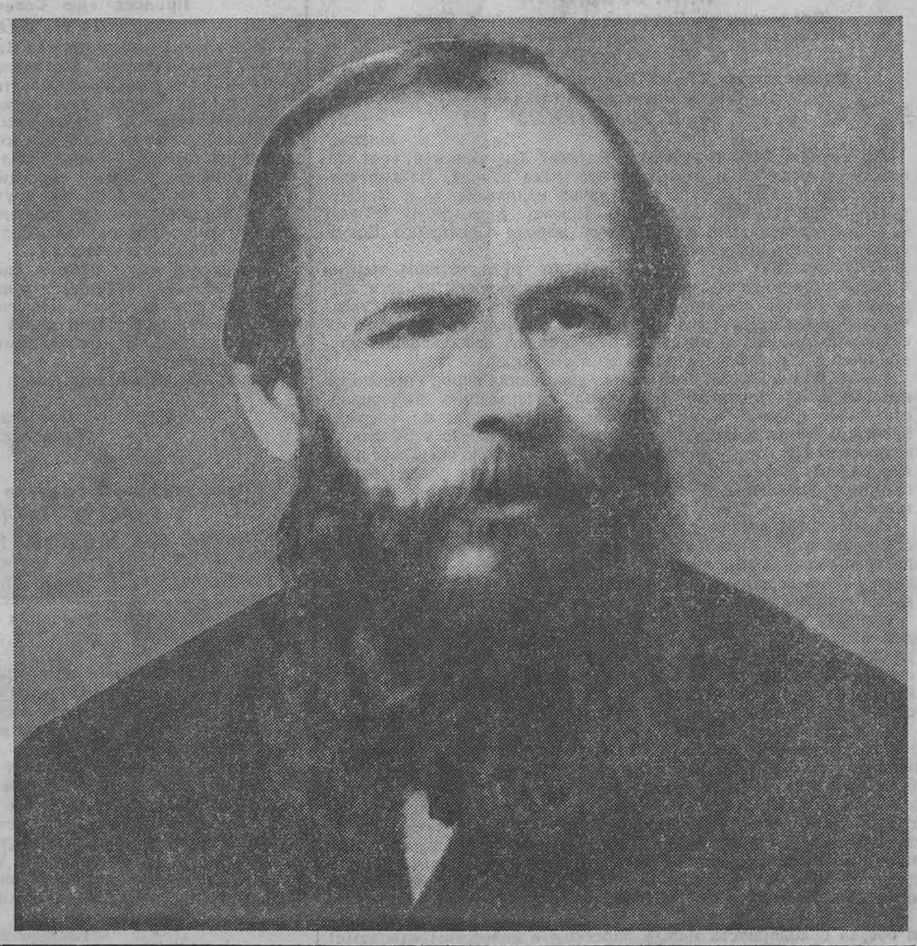
Величайшая трагедия Достоевского, основа основ его духовной драмы, заключается в том, что он всю жизнь страстно и напряженно искал пути к народу, а находил церковь, монастырь. «От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом»,— пытался он уверить и себя, и других.

Но художественный гений Достоевского будил тревогу, взывал к гуманизму, не давал примириться с неправдой. Дуновение бури перекрывало в его произведениях призывы к смирению. Как ни велика была амплитуда колебаний художника, он ставил перед лучшими людьми разлагающегося, падающего общества идеал — и идеал этот «русского социализма», как он выражался, был заимствован им в школе Белинского, Герцена, Петрашевского, в учениях утопического социализма, а не в церкви.

Мы не можем и не должны молчать, когда видим в произведениях Достоевского, особенно в его публицистике, мертвое, хватающее живое. Но у нас нет оснований отдавать великого художника ретроградам, не можем мы примириться с лживым и пошлым самодовольством реакции и идеализма, твердящих, что Достоевский принадлежит им. Все слабое, неверное, наносное в наследии писателя уносится временем, опровергается историей. А живет и торжествует его страстная устремленность к свету и мысли, страстная убежденность в справедливости идеала братства, распространенного на всех. Прав Достоевский и тогда, когда доказывает, что вне идеала братства невозможно великое искусство. Оправдан он и в общей с Белинским убежденности, что идеал раньше всего восторжествует в России — на земле, в реальной действительности, а не в потустороннем мире, о котором лепечет религия.

Чествуя Достоевского, мы чествуем гениального русского художника и великого гуманиста, чьи произведения вошли в золотой фонд всемирной сокровищницы культуры.

Валерий КИРПОТИН.



Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было...

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

ВЕЛИЧИЕ ХУДОЖНИКА

Рядом с Толстым,— может быть не уступая ему по общим размерам дарования и значительности оставленного им наследства, стоит другой гениальный мировой писатель нашей литературы — Федор Достоевский.

Анатолий ЛУНАЧАРСКИЙ.

Во имя гуманизма

Ничто так не спутывает наши биологические представления, как жизнь этого человека: он — клубок нервов, его бьет дрожь и каждый миг охватывают судороги, он так чувствителен, словно с него сняли кожу и самое прикосновение воздуха причиняет ему боль (ссылаюсь на «Записки из подполья»). Тем не менее он дожил до шестидесяти лет (1821—1881) и за четыре десятилетия литературного труда создал поэтический мир невиданной новизны и смелости населенный бесчисленными персонажами, мир в котором бушуют грандиозные страсти и который не только велик «преступными» порывами мысли и сердца, раздвигающими границы наших знаний о человеке, но и клокочет вызывающим озорством, фантастическим комизмом и «веселостью духа». Ибо, помимо прочего, этот распятый страстотерпец был и удивительным юмористом.

...Мучительные парадоксы, которые «герой» Достоевского бросает в лицо своим противникам-позитивистам, кажутся человеконенавистничеством, и все же они высказаны во имя человечества и из любви к нему: во имя нового гуманизма, углубленного и лишенного риторики, прошедшего через все адские бездны мук и познания.

Томас МАНН.

С беспощадным реализмом

Размышляя о значении Достоевского для современной культуры, о заслугах его перед временем прошедшим и грядущим, неизбежно сталкиваешься с уникальностью этого громадного и сложного художника. Уникальность Достоевского состоит в том, что время идет, но чем дальше, тем больше его имя и творчество продолжают занимать умы человечества. Такая судьба выпадает на долю далеко не каждого даже великого таланта. Подобные явления могут и должны вызывать разные объяснения — все же Достоевский есть Достоевский. Я посмею в этой заметке высказать свои личные соображения.

Достоевский вступил в литературу через порог многохоженный. К тому времени миру было известно уже немало прославленных писателей, мастеров художественного слова. К тому времени изобразительность литературы достигла необычайно высокой аналитичности и конкретности. Реализм к тому времени окончательно утвердился, как наиболее достоверный, наиболее всеобъемлющий способ изображения в искусстве многоликой жизни людей. На литературных картах к тому времени четко обозначились «материки», открытые классиками.

Достоевский сделал свои открытия на «открытых материках». Он исследовал их недра — недра душ людских и тем самым заявил новое слово в эстетической культуре целой эпохи. Как великий художник, Достоевский оказал революционное воздействие на весь ход мирового литературного процесса XIX—XX веков. Благодаря творчеству Достоевского художественная мысль последующих поколений сосредоточилась на глубинном рассмотрении человеческой личности, ее психологии, ее внутренних побуждений в непосредственной связи с действительностью.

Но самым сокровенным и долговечным словом Достоевского в литературе, как мне думается, явилось его безмерное сострадание к человеку, захлебывавшемуся в водовороте жестокого, циничного эксплуататорского общества. Достоевский пришел в русскую литературу, охваченный всесветной тревогой и болью за человека, терзаемого социальными трагедиями и противоречиями собственной изломанной натуры. В ту страшную пору русский писатель возвысил одну из главнейших задач гуманистической литературы — воспитание нравственности человека, обучение его состраданию, без которого он не может называться полноценным человеком.

Способность к состраданию Достоевский возводит до наивысшего мерила человечности, как первейшего качества души, свойственного только Homo Sapiens. И в сегодняшнем мире с его атомными бомбами, с разбоем империалистов во Вьетнаме, в мире, раздираемом расовыми проблемами и разгулом насилия, тревожный набат Достоевского гудит неумолчно, взывая к человечности, гуманизму. В этом, мне думается, суть гениального Достоевского. В этом, думается, суть его вселенского сострадания. И в этом, пожалуй, его вечность и всевозрастающая популярность.

Те, кто ныне на Западе пытается по-разному истолковывать сложности творчества Достоевского, фальсифицировать их применительно к собственным узкоэгоистическим интересам, должны помнить, что Достоевский, как художник, один из величайших гуманистов всех времен, выстрадал право быть совестью униженных и угнетенных всей судьбой гигантской России, пережившей ужасы капитализма в его самой тяжкой форме. Кто бы это ни делал, искажать Достоевского в угоду собственной корысти по меньшей мере кощунственно.

С бессмертной печалью на бессмертном челе Достоевский взирает на род людской, как мудрец, много познавший на собственном опыте, много высказавший сокровенных дум. Для современных людей важно то, что Достоевский беспощаден ко злу и что его беспощадный и точный анализ вскрывает и причины, порождающие зло. Тем самым Достоевский помогает нам жить и бороться за наши высокие идеалы.

С простотой гения Достоевский писал о людях среди людей, о повседневной, казалось бы, ничем не примечательной текущей жизни своего времени. Но то, что он увидел в ней, в той жизни, и то, что он изобразил через судьбы и характеры своих героев,— явилось откровением эпохи. Здесь немаловажную роль сыграло мастерство Достоевского, клинически точного в анализе психологии персонажей и мотивов их поступков, в выявлении зависимости судеб личности от общества. Рисуя всякого рода униженных и оскорбленных, показывая несчастья, бедствие, уродство, Достоевский никогда не спекулировал на этом с помощью всеопошляющей сентиментальности. Тривиальность противопоказана серьезной литературе, к чему бы она ни обращалась — к трагедии ли, к героизму ли, к утверждению ли разумности и достоинства человека, к осмеянию ли самодовольства, упоенности властью. Во всем и всюду, как учит опыт Достоевского, литература должна знать единственно точное чувство меры, отличающее истинно талантливое, вдохновенное творчество от тривиальных, спекулятивных поделок в литературе.

Как художник он всегда велик — и в малом и в большом, и в юбилейные и неюбилейные дни. Он всегда учит думать о прошлом и настоящем, о вечной страде человеческого бытия — борьбе добра и зла.

Чингиз АЙТМАТОВ.

Бессмертный

Емкость, обобщенная алгебраичность — так сказать, шекспириальность философской партитуры, исключающей бытовой сор, частное и местное, с выделением чистого продукта национальной мысли,— этим и достигается всемирное нынешнее бессмертие Федора Достоевского.

Леонид ЛЕОНОВ.

МОГУЩЕСТВО СЛОВА

Бедные люди! Убогие люди! «Вбогі люди, вбогі люди, де я вас не бачу?!» — с сочувствием ко всем угнетенным поется в старинной украинской песне о славном борце за свободу Устиме Кармелюке.

Таким уж было оно, это седое от печали и вечно зеленое от надежды древо истории: социальная несправедливость, социальное варварство обокрали на всех континентах богатую землю и ее тружеников, превратив их в бедных людей.

Из глубины веков берет начало история борьбы меж добром и злом и история бедных людей. На протяжении столетий мучило это многих мыслителей и художников.

Но никто в литературе не сумел с такой потрясающей проникновенностью, с такой болью и искренним сочувствием отобразить трагедию, страдания бедного, униженного и обездоленного человека, как это сделал Федор Михайлович Достоевский.

И если бы в творчестве Достоевского были только лишь произведения о бедных людях — произведения глубочайшей душевности, безмерной силы и... острейших противоречий,— все равно он остался бы великим писателем своей эпохи.

Да, есть явления в искусстве, о которых — при всей их трагической противоречивости — можно лишь одно уверенно сказать: это гениально.

К таким исключительным явлениям мирового искусства принадлежит великий русский писатель Достоевский.

Михайло СТЕЛЬМАХ.

ОН ВЕРИЛ В ЧЕЛОВЕКА

ДЛЯ НАС, советских людей, Достоевский прежде всего — неистовый возмутитель сытого, самодовольного обывательства, не прощающий ни черту, ни богу плохо скроенной человечьей жизни. Достоевский — бунтарь, ниспровергатель ложных авторитетов, болезненно чуткий к чужому горю, к вынужденной, угнетающей людское достоинство нищете. Удивительно стойко и светло верил он в Человека, в Человечество, в светлое будущее России, в великую миссию русского народа.

Такой Достоевский заставляет биться сердце и сжимать кулаки. Такой Достоевский шагает рядом с нами сегодня в борьбе за прогресс, за справедливость, за победу света и разума.

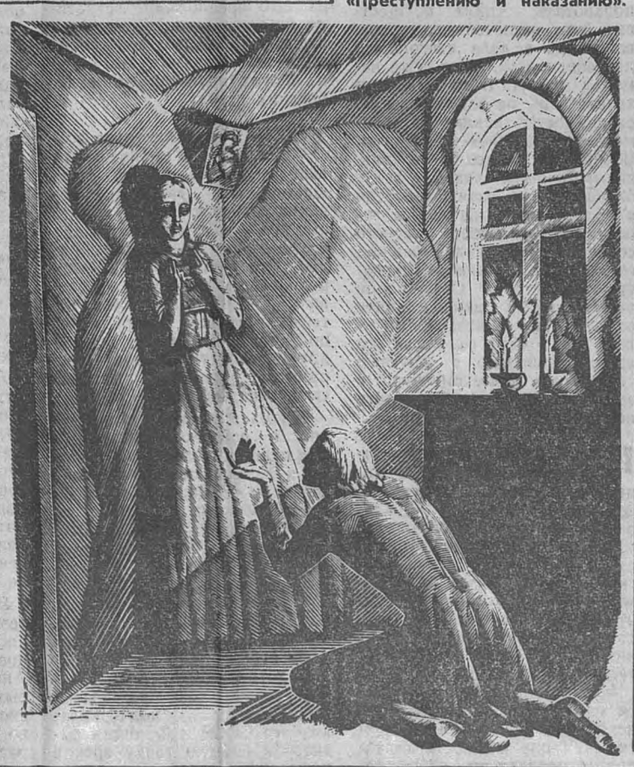
Атмосфера жизни, окружавшей Достоевского, породила Родиона Раскольникова, заболевшего черной идеей сверхчеловечности, эгоизма и единственности. В своей философии главный герой «Преступления и наказания» перекликается с теми, кто в наши дни проповедует антикоммуникабельность как закон современной жизни. Писатель развенчивает эту философию. В эпилоге романа смысл страшного преступления Раскольникова раскрывается перед нами. Ему помогает «примкнуть к людям» (выражение Достоевского) бескорыстная, самозабвенная любовь Сони.

Раскольникова спасает любовь, вера в человека, в его разум, в его заблудшую душу, которая однажды ужаснется, очнувшись в бредовом, ханжеском, хищническом мире, благословляющем рознь, ненависть, войны.

Творческое наследие Достоевского, как и сам он, неохватно. Здесь есть все: и страсть, и воля, и надежда, и укор, и заблуждения человека, мечущегося, ищущего, неспокойного. Но не эти заблуждения определяют для нас сегодня значение Достоевского, сколько бы ни трубили о них сознательные или невольные путаники, пытающиеся заставить его книги служить злу.

Муза Достоевского, как и муза Пушкина, перед которым преклонялся писатель, как перед великим сыном своего народа, будит в нас светлые, сильные, добрые мысли и чувства.

Юрий ЗАВАДСКИЙ.



Иллюстрации В. Пивоварова к «Игроку» и С. Косенкова к «Преступлению и наказанию».